

Сын Небесного Дао

Когда Чжао Цзихэна приволокли в Зал Дьяконов, он всё ещё вопил:

— Как вы смеете так со мной обращаться! Я всё расскажу дяде!

— Довольно! — Чжао Юйпин потёр виски.

«Почему они все примерно одного возраста, но Сун Цяньцзи так хитёр и непрост, Мэн Хэцзэ в ярости похож не на человека, а на красноглазого дикого зверя, и только мой собственный племянник — полный идиот, который сам лезет на рожон?»

К счастью, в семье хватало и других, более выдающихся молодых людей, так что недостатка в наследниках не было, и одним Чжао Цзихэном больше, одним меньше — не беда. Эта мысль принесла ему некоторое утешение.

Он происходил из семьи Чжао из уезда Цинъань на континенте Тяньбэй, хоть и из боковой ветви. А вот владыка пика Красной Воды школы Хуавэй, Чжао Тайцзи, был из главной ветви их рода. Но семья Чжао была кланом заклинателей, знатным и могущественным, контролировавшим весь уезд Цинъань. Даже боковая ветвь, имея такую опору, могла рассчитывать на большее, чем обычные совершенствующиеся.

— Больше не связывайся с Сун Цяньцзи. Если встретишь его, сделай вид, что не заметил, понял? — Чжао Юйпин хотел было наставить племянника на путь истинный, но, встретив его гневный, обиженный и полный слёз взгляд, лишь устало вздохнул. — Ладно, иди развлекайся. Только не возвращайся слишком поздно, ты только что попал во внутреннюю школу, нужно произвести хорошее впечатление на наставника и старших братьев.

Чжао Цзихэн получил увесистый мешочек с духовными камнями, и его недовольное выражение тут же сменилось.

— Давненько я не видел девиц, как они там? — бормоча себе под нос, он лёгкой походкой, развевая полами одежд, сбежал вниз по лестнице.

— Поздравляю вас, — осмелился подойти с любезностями молодой дьякон.

— С чем это? — холодно усмехнулся Чжао Юйпин. — Ты думаешь, раз Цзихэн попал во внутреннюю школу, а мы помирились с Сун Цяньцзи, то теперь всё прекрасно?

— Сун Цяньцзи только что принял подарки и очень вежливо поблагодарил...

— А ты внимательно смотрел ему в глаза? — Чжао Юйпин покачал головой. — У таких, как он, мысли глубоки, а методы изощрённы. Если уж вражда завязалась, то оставлять его в живых нельзя. Не тронешь ты его, он рано или поздно убьёт тебя!

Молодой дьякон похолодел, на лбу выступил холодный пот. Если с Чжао Юйпином что-то случится, первыми козлами отпущения станут именно такие, как он, мелкие сошки.

— Чего ты боишься? Это не моя воля, — Чжао Юйпин указал пальцем наверх. — Это воля тех, кто выше.

Молодой дьякон быстро бросил взгляд в сторону пика Красной Воды и снова опустил голову.

Во Дворце Цянькунь Чжао Тайцзи воспылал к Сун Цяньцзи убийственной яростью и обнажил меч. Позже Истинный Сюйюнь изменил своё решение и оставил Сун Цяньцзи до Собрания «Достичь известности», что, несомненно, вызвало его крайнее недовольство. Об этом мало кто знал. Кроме тех семерых, что были в ту ночь в зале, знал только Чжао Юйпин.

Внезапно в зал быстрым шагом вошёл другой дьякон и что-то прошептал Чжао Юйпину на ухо.

Тот на миг замер, на его лице отразилось изумление, а затем он громко рассмеялся:

— Он действительно так сказал?

— Истинная правда! Почти все ученики внешней школы и десяток учеников из Зала Порядка это слышали.

Чжао Юйпин прищурился.

«Только я начал сокрушаться, что не могу найти подходящий клинок, как Сун Цяньцзи сам мне его поднёс. Какая трогательная заботливость»

Если бы не толпы восторженных поклонников из знатных родов, откуда бы у Мяо Янь взялась слава «первой красавицы»?

Многие ценили репутацию Феи Мяо Янь выше собственной. Проявить к ней неуважение было страшнее, чем оскорбить их самих. Эти люди задавали тон среди молодого поколения мира совершенствующихся, и если уж они выражали своё восхищение, то не позволяли другим иметь иное мнение.

Если мужчина-совершенствующийся говорил о Мяо Янь что-то дурное, они шли к нему «объяснять, в чём он неправ». Если же так поступала женщина, её тут же клеймили как мелочную и завистливую.

Со временем никто уже не осмеливался публично говорить о Мяо Янь плохо.

И только Сун Цяньцзи, неизвестно с чего вдруг, снова взбесился.

Но это был не тот случай, что с прыжком с Утёса Разрушенной Горы, который казался самоубийством, а на деле открыл путь к спасению. Позволив себе эту дерзость, Сун Цяньцзи навлек на себя бесконечные неприятности.

— На Собрание «Достичь известности» некоторые прибывают раньше, — сказал Чжао Юйпин.
— Когда придут люди из Академии «Зелёный Утёс» и Школы Божественной Мелодии?

— Через десять дней.

— Слишком долго. Организуй облачный корабль, чтобы их встретить.

Молодой дьякон поспешно закивал.

Чжао Юйпин достал чайный сервиз и начал кипятить воду. Напоследок он распорядился:

— Прежде чем они придут, я хочу, чтобы в школе Хуавэй, от внутренней до внешней, все до единого знали, что сказал Сун Цяньцзи.

Резная чаша из пятицветной глазури и свежий весенний чай.

В янтарном настое отражались нежно-розовые цветы персика за окном. Он ещё не сделал и глотка, а уже был опьянён.

«Хороши же „кости в пудре“»

Сун Цяньцзи строгал бамбуковые планки и вязал изгородь.

Мэн Хэцзэ крутился вокруг него в своём кресле на колёсах, желая помочь, но не зная как. Он лишь изредка подавал верёвку или ножницы.

— Старший брат Сун, ты не тренируешься с мечом? — не выдержал наконец Мэн Хэцзэ. — Ты не вдыхаешь духовную энергию, не медитируешь?

— Не тренируюсь.

— Я тебе мешаю? Тогда я сейчас же уйду.

— Сегодня не хочу, — пришлось объяснить Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ был в замешательстве.

«Отсутствие желания совершенствоваться — это очень плохо. Будь на его месте кто-то другой, я бы непременно заставил его взяться за ум, ведь лень до добра не доводит! Но это же старший брат Сун. Он и так раньше был слишком усерден и строг к себе, ему пора отдохнуть. Ничего страшного, если он не будет тренироваться. Я буду усердно совершенствоваться и смогу его защитить. Буду копить деньги и покупать ему пилюли и духовные травы. Стану сильным и помогу ему найти даосскую спутницу... э-э, нет, с этим, пожалуй, пока повременю. Но, в общем, я смогу помочь ему взойти на путь бессмертия»

Так Мэн Хэцзэ, убедив самого себя, смирился со странным поведением Сун Цяньцзи. Но один вопрос всё же не давал ему покоя:

— Старший брат Сун, зачем ты тогда это сказал?

— Что именно?

— Кости в пудре, Мяо... Мяо... — вторую часть фразы он так и не смог выговорить, лишь тихонько промяукал.

Мяуканье так рассмешило Сун Цяньцзи, что у него дрогнули руки, и он испортил одну из сочно-зелёных бамбуковых планок.

Мэн Хэцзэ забеспокоился:

— Почему тебе не нравится Фея Мяо Янь? Она же самая красивая в мире!

— А что такое красота? — спросил в ответ Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ опешил и уставился на него.

Сун Цяньцзи перефразировал:

— Почему ты считаешь Мяо Янь красивой?

— Разве для этого нужна причина? Мы узнаём об этом, едва вступив в мир совершенствования.

Мэн Хэцзэ всегда полагал, что красота Мяо Янь — такая же прописная истина, как то, что солнце встаёт на востоке и садится на западе, а для совершенствования нужны духовные камни.

— У неё безупречная внешность, высокий талант, она владеет музыкой, добра и нежна...

— А это всё правда? — спросил Сун Цяньцзи, продолжая строгать бамбук. — Ты сам это видел? Ты знаешь о ней гораздо меньше, чем о Чжоу Сяюнь, так почему ты не считаешь Чжоу Сяюнь самой красивой в мире?

— Но все говорят, что она красива, — растерянно пробормотал Мэн Хэцзэ.

— То есть ты считаешь её красивой, потому что многие ею восхищаются и хвалят её? — сказал Сун Цяньцзи. — Так тебе нравится она сама, или восхищение других, её слава?

— Я не знаю. Об этом действительно не задумываешься. Ты меня совсем запутал!

Мэн Хэцзэ с досадой нахмурился.

Он не мог ответить на вопросы Сун Цяньцзи.

Что такое красота? Кто решил, что Мяо Янь красива?

«Я ведь её даже не видел, как я могу знать, соответствует ли она моим представлениям о красоте?»

Внезапно Мэн Хэцзэ осенило, и он воскликнул:

— Да у меня же вообще нет своих представлений о красоте!

Мяо Янь — это эстетический идеал высших кругов совершенствующихся. В этом мире стандарты красоты и уродства устанавливают они.

«Нам, простым совершенствующимся, и так живётся нелегко, мы целыми днями на вас работаем, так почему даже стандарты „красоты“ вы устанавливаете за нас?»

Сун Цяньцзи связал бамбуковые планки верёвкой.

— Мяо Янь в совершенстве владеет Искусством небесного звука. Хотя её уровень высок, она не обладает сильной атакующей мощью. Слушание её цитры способствует совершенствованию. Она красива, но при этом добра и покладиста, никогда не будет спорить с тобой о правоте. Она

знатного происхождения, но скромна и нежна, и кажется, её не интересует ничего, кроме музыки...

— В общем, девять слов: красива, полезна и не создаёт проблем, — подытожил он.

Мэн Хэцзэ был поражён таким определением:

— Значит, они на самом деле не любят Мяо Янь, а восхищаются ею только потому, что это им выгодно.

— Чем больше женщина-совершенствующая похожа на Мяо Янь, тем больше её хвалят, — сказал Сун Цяньцзи, не поднимая головы и поправляя изгородь. — Мяо Янь — это мерило совершенства, иллюзорный образ, в который проецируют свои фантазии, но только не живой человек. Это несправедливо по отношению к ней, но это её собственный выбор.

— Мне кажется, ты её очень хорошо знаешь, — пробормотал Мэн Хэцзэ.

Сун Цяньцзи уже закончил два ряда бамбуковой изгороди.

Семян у него ещё не было. Обыскав весь дом, он нашёл только три картофелины. Картофель уже дал несколько бледно-зелёных ростков. Они показались ему такими милыми, что он решил посадить их первыми.

— Старший брат Сун, раз уж тебе не нравится Мяо Янь! — Мэн Хэцзэ хотел было проявить солидарность, — то я с сегодняшнего дня тоже её не... не люб...

Юноша замялся, не в силах произнести слова, противоречащие его чувствам.

Сун Цяньцзи наконец отложил свои драгоценные картофелины и посмотрел на него.

— Будь тебе сорок или четыреста лет, я бы, возможно, посоветовал тебе оставить это. Но тебе всего четырнадцать. Поэтому, если тебе что-то нравится, говори об этом громко. Если чего-то хочешь, борись за это изо всех сил. Совершил ошибку — исправляй, натворил дел — отвечай. Не оглядывайся ни на кого, и уж тем более на меня.

Мир велик, но юность превыше всего.

Пока Мэн Хэцзэ в этой жизни не станет владыкой нечестивого пути, пусть делает что хочет.

Глаза юноши заблестели, и он громко воскликнул:

— Я хочу участвовать в Собрании «Достичь известности»!

— Отлично.

— Я хочу найти самого сильного наставника!

— Неплохо.

— Я хочу стать великим человеком!

— Можно.

Голос Мэн Хэцзэ вдруг стал тише:

— А ещё я хочу жениться на красивой даосской спутнице. Лучше, чтобы все завидовали, чем чтобы все издевались.

— Я тебе не отец! — Сун Цяньцзи швырнул картофелину. — Не нужно мне всё докладывать!

Тут же пришлось спешно её подбирать.

Сун Цяньцзи погладил маленький росток, с болью в сердце приговаривая:

— Не ушибся?

Свежевскопанная земля была мягкой и чистой. Прогретая ласковым солнцем, она напоминала пуховую перину и источала свежий аромат.

Он разрезал проросший картофель на несколько частей, оставив на каждой по несколько глазков, выкопал ямки и закопал их.

Весна — лучшее время для посадки картофеля.

Всего несколько весенних дождей, и он даст сочные зелёные листья и зацветёт бледно-фиолетовыми цветами.

«Совсем как Мэн Хэцзэ сейчас, — подумал он. — Невзрачный мечтатель. Но стоит подуть попутному ветру, и он взлетит до небес»

— Старший брат Сун, я был неправ, не сердись, — сказал Мэн Хэцзэ, сидя в кресле и наблюдая, как Сун Цяньцзи лично засыпает землёй ямки. Чувство вины росло в нём. — Когда я поправлюсь, я буду помогать тебе с землёй!

Сун Цяньцзи вздрогнул.

«Я из добрых побуждений тебя утешал, а ты уже на мою землю зарышься? У меня всего-то этот клочок огорода, если ты его засадишь, что мне останется?!»

— Возвращайся в лазарет, лечись, — с улыбкой и искренним желанием спровадить его посоветовал Сун Цяньцзи. — И до полного выздоровления ко мне не приходи.

Мэн Хэцзэ растроганно закивал.

Сун Цяньцзи забыл, что у этого парня есть чётки из красного духовного нефрита. Хоть они и не так сильны, как «Источник Бессмертия», но это первоклассный артефакт, защищающий владельца и ускоряющий исцеление. К тому же, у Мэн Хэцзэ была крепкая основа, так что всего через два дня он, живой и здоровый, вернулся в компании других учеников внешней школы.

— Старший брат Сун, сегодня в Зале Дьяконов объявили о Собрании «Достичь известности», — Чжоу Сяюнь, словно преподнося сокровище, протянула ему лист бумаги. — Мы переписали для тебя. Здесь все правила, слово в слово, ни буквы не пропущено!

Сун Цяньцзи как раз поливал картошку. Хотя эта бумага была ему ни к чему, он всё же принял её обеими руками и поблагодарил.

Слухи из внутренней школы ходили уже несколько дней, но когда новость объявили официально, она всё равно вызвала во внешней школе огромный ажиотаж.

Великое событие мира совершенствующихся, проходящее раз в десять лет, в этот раз принимала школа Хуавэй. Ученики внешней школы тоже могли участвовать. Даже если не соревноваться, а просто быть зрителем, это уже было незабываемым зрелищем, о котором можно будет вспоминать всю жизнь.

Мэн Хэцзэ выглядел бодрым и энергичным, от его травм не осталось и следа. Казалось, он даже немного подрос и окреп.

— Всего четыре категории: цитра, ци, каллиграфия и живопись, и показательные бои. Я всё изучил, нам лучше всего участвовать в боях. Старший брат Сун, я пойду запишу тебя.

— Я записываюсь на каллиграфию и живопись.

— Нельзя! — в ужасе воскликнул Мэн Хэцзэ.

— До того, как попасть на гору, я тоже любила дома порисовать цветы и птиц, — тактично вмешалась Чжоу Сяюнь. — Но это совсем другое. На эту категорию в основном записываются книжники из Академии «Зелёный Утёс». Они целыми днями практикуются в рисовании талисманов, их сила кисти проникает сквозь бумагу. Нам, любителям, с ними не тягаться.

— А ещё есть цитра и ци, — подхватил Мэн Хэцзэ. — На вид — игра на цитре и в ци, а на самом деле — испытание Искусства небесного звука, искусства формаций и искусства предсказания. Туда в основном записываются совершенствующиеся из Школы Божественной Мелодии и Обитатели Пурпурных Облаков. Нам там тоже ничего не светит.

«Достичь известности» — взойти на высокую гору и прославиться на весь мир.

«Изящное собрание» — будь то истинно изящное увлечение или лишь претензия на него, в любом случае, существовало множество условностей. Нельзя было, как на обычном турнире, драться до крови. Вместо того чтобы напрямую состязаться в Искусстве небесного звука, искусстве формаций или рисовании талисманов, они соревновались в игре на цитре, в ци, в каллиграфии и живописи.

Единственная категория, оставленная для воинов — показательные бои — и та требовала, чтобы поединки были зрелищными, «показательными».

Сун Цяньцзи это понимал.

«Если бы ученики знатных родов сражались насмерть за какой-то артефакт или клочок земли, чем бы они отличались от бродячих совершенствующихся и простолюдинов?»

— Ничего. Я записываюсь на каллиграфию и живопись.

Сыграть целую мелодию или доиграть партию в ци — слишком долго и муторно. Только в каллиграфии и живописи правила были самыми простыми: можно было просто набросать пару штрихов.

— Ты умеешь рисовать талисманы? — с тревогой спросил Мэн Хэцзэ.

— Немного, — ответил Сун Цяньцзи.

Он был из бродячих совершенствующихся, его знания были отрывочными, он умел всего понемногу. Вот только такие изящные собрания в прошлой жизни не имели к нему никакого отношения. Он вечно был в бегах, в пути, боролся за выживание, сражался, никогда не останавливаясь, да и не мог остановиться.

«Чэнь Хунчжу сказала только, чтобы я остался до конца Собрания „Достичь известности“, — подумал Сун Цяньцзи. — Но я не буду использовать меч, и Сюйюнь со своими людьми ничего мне не сделает. Они все боятся Сянь Цзяньчэня»

А Сун Цяньцзи не боялся. Потому что до самой его смерти в снежной пустыне в прошлой жизни о Сянь Цзяньчэне не было ни слуху ни духу, жив он или мёртв — неизвестно.

И всё потому, что «Спаситель» Вэй Чжэньюй был истинным сыном Небесного Дао. Бог Меча лишь дал ему золотой палец, а затем должен был отойти в тень, чтобы не затмевать его славу.

На самом деле, не только Сянь Цзяньчэнь.

Когда Сун Цяньцзи ещё был на дне, в мире совершенствования говорили о «четырёх великих»: «Бессмертном цитры, Демоне ци, Мудреце каллиграфии и Боге Меча» — четырёх мастерах на стадии Превращения в божество.

Эти четыре непревзойдённых мастера, лишь из-за простого «расположения», передали все свои знания Спасителю, не прося ничего взамен.

Оставив своё наследие, они либо умерли от старости, либо погибли от болезней, либо ушли в уединение...

А затем настало время цвести сотне цветов нового поколения.

«Владыка нечестивого пути» Мэн Чжэнсянь сеял хаос, «Непобедимый в ста битвах» Сун Цяньцзи повелевал армиями.

После недолгого блеска они, подобно падающим звёздам, исчезли.

Волны времени смыли всё, и тогда появился Спаситель Вэй Чжэньюй, спасший мир от гибели и завоевавший сердца всех поднебесной.

Умерев, Сун Цяньцзи видел обрывки реки времени и по некоторым деталям заключил, что Вэй Чжэньюй был младше его всего на несколько лет, то есть они были ровесниками.

Но как такой удачливый человек мог так долго оставаться в безвестности?

Переродившись, он всё понял. Если Мэн Чжэнсянь на самом деле звался Мэн Хэцзэ, то и Вэй Чжэньюй, возможно, сменил имя. Скорее всего, он скрывался под чужой личиной, тихо накапливая силы, чтобы потом внезапно явить себя миру.

На Изящном Собрании «Достичь известности» вновь появятся многие, кого он в прошлой жизни хотел убить или кто убил его.

Сун Цяньцзи не хотел их видеть.

«Он хотел лишь издали взглянуть на этого любимца Небесного Дао, этого баловня судьбы»

Придёт ли Вэй Чжэньей?

<http://bllate.org/book/16982/1583546>